

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ПРЕДЛОГОВ (на материале русского, английского и армянского языков)

Е. С. МХИТАРЯН

Предлоги находятся в центре перекрещивания таких глобальных лингвистических проблем, как разграничение между аутосемантическими (полнозначными) и синсемантическими (служебными) словами, соотношение грамматического и лексического значений, номинация языковых единиц, границы слова, отдельное слово и отдельное употребление слов, сочетаемость слов и др.

В связи с предлогами возникает много проблем и в частном языкознании. Так, во флективных языках изучение предлогов связано с такими грамматическими явлениями, как предложное управление, соотношение функций предлогов и падежных аффиксов. Например, в армянском языке, где пространственные отношения выражаются не только предлогами¹, но и падежными аффиксами, возникает вопрос, что несет в этом плане большую функциональную нагрузку—предлог или флексия? Вопрос же предложного управления в армянском языке в какой-то мере остается открытым, поскольку окончательно не решен спор относительно количества падежей в современном армянском языке (5, 6 или 7?).

Что касается места предлогов среди других частей речи, то можно сказать, что этот вопрос в основном решен: им отведено место среди синсемантических слов наряду с другими служебными словами—союзами, частицами, артиклями и т. д. Гораздо сложнее обстоит дело, когда речь идет о соотношении грамматического и лексического значений в семантике предлогов. В этом отношении мнения лингвистов радикально расходятся.

Одни лингвисты (в частности А. А. Шахматов, А. М. Пешковский, М. Абемян, Э. Б. Агаян) считают, что служебные слова являются разновидностями аффиксов и морфем, т. е. выполняют только грамматическую функцию. Эту точку зрения поддерживает и И. И. Мещанинов, по мнению которого «ни предлоги, ни союзы не являются носителями выражений понятия или наименования предмета и поэтому самостоятельного лексического значения не имеют»².

Крайне противоположной точки зрения придерживаются другие лингвисты, в частности Е. С. Кубрякова, которая по этому поводу пишет: «Конечно, им (предлогам) не соответствуют понятия. Тем не менее можно с полным на это основанием утверждать, что предлоги—это ориентиры и что по существу они называют вполне определенные точки пространства... Странно поэтому было считать их лишенными номинативной функции»³. Ведь, как далее справедливо замечает Е. С. Кубрякова, «языком именуются не только отдельные предметы, явления и свойства, но и связи между ними»⁴.

Между этими двумя противоположными концепциями лежит целый ряд различных

¹ В армянском языке этот класс служебных слов состоит не только из предлогов, но и послелогов. Но для удобства—мы будем употреблять обычный термин «предлог» для обозначения обоих типов слов, т. к., как говорит Джон Лайонз, «для общей грамматической теории не так важно, встречается ли какая-то частица перед или после существительного». (Введение в теоретическую лингвистику, М., 1978, с. 320).

² И. И. Мещанинов. Члены предложения и части речи, М.—Л., 1945, с. 295.

³ Е. С. Кубрякова. Части речи в ономаσιологическом освещении, М., 1978, с. 11.

⁴ Там же, с. 14.

промежуточных мнений, суждений и признаний. Здесь мы приведем только наиболее характерные из них.

Мнения многих ученых (В. В. Виноградова, А. И. Смирницкого, О. С. Ахмановой) сходятся в том, что предлог—это слово и как всякое слово обладает и грамматическим и лексическим значением, но соотношение этих значений в семантике разных предлогов различно: в одних предлогах преобладает грамматическое значение, в других—лексическое. Лексическое значение особенно прозрачно выступает в так называемых свободных предлогах, о которых В. В. Виноградов пишет: «они сохраняют всю яркость своего лексического значения и даже нередко образуют в сочетаниях с существительным обособленную синтагму»⁵. В других случаях лексическое значение несколько ослаблено. Так, в предложении—I rely on you (Я надеюсь на тебя, *bu հույս դնուի եմ քեզ վրա*)—предлог *on*, по мнению А. И. Смирницкого, выступает в своей связующей функции, т. е. связывает глагол с дополнением, но и здесь он сохраняет, хотя и не полностью, своё лексическое значение. А иногда это лексическое значение и вовсе незаметно, и предлог выступает только в своей грамматической функции: The window of the room is open. He gave the pen to the girl⁶. В связи с таким отвлеченным характером английских предлогов уместно вспомнить замечание В. В. Виноградова: «Ни один предлог (имеется в виду русский язык, но мы можем добавить и армянский язык) не достиг той грамматической абстракции, какая свойственна слабым предлогам английского и французского языков»⁷.

Относительно природы служебных слов выдвигается и такое мнение, согласно которому эти слова не имеют ни грамматического, ни лексического значения. Так, А. С. Попов отмечает следующее: «Принимая во внимание, что служебные слова морфологические нечленимы, что в их структуре нет соотношения лексического и грамматического, а также учитывая своеобразие их функционирования (отдельные слова, обязательно сопровождающие другие слова), мы не можем расценить их значение ни как лексическое, ни как грамматическое. Перед нами особый тип языковых значений «недифференцированные значения»⁸.

Некоторые ученые рассматривают грамматическое и лексическое значения предлогов в их единстве, подчеркивая роль словесного окружения в конкретизации семантических особенностей того или иного предлога.

Так, О. Х. Барсеган об этом пишет: «Под лексическим значением предлога надо понимать то грамматическое значение отношений между предметами, действиями и ситуациями, которое в контексте выражено предлогом и другими членами предложного словосочетания и которое характерно для данного предлога и отличает его от всех других предлогов»⁹.

Есть и такие лингвисты, которые в семантике предлогов выделяют и категориальное значение. Так, Е. Т. Черкасова, наряду с грамматическим и лексическим значениями в семантике предлогов указывает и на категориальное значение—значение релятивности, внешним выражением которого является сочетаемость предлогов с другими словами: «предлоги, в отличие от полнозначных слов, функционируют только в условиях двухсторонних синтаксических связей, осуществляя связь между зависимым именем и синтаксически господствующим словом (живут←в→городе)».

Признавая категориальное значение в семантике предлогов, Е. Т. Черкасова, тем не менее, отрицает наличие номинативной функции у этих служебных слов: «предлоги не являются наименованиями тех или иных логико-смысловых отношений—они служат лишь указанием на такого рода отношения между словами»¹⁰.

На наличие категориального значения в семантике армянских предлогов указывает А. С. Маркарян, по мнению которого это категориальное значение (*խորհրդ մասնիկի միասին*)—значение отношения (*հարաբերության միասին*)—является доминирующим в се-

⁵ В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1947, с. 679.

⁶ См.: А. И. Смирницкий. Синтаксис английского языка. М., 1957, с. 40—47.

⁷ См.: В. В. Виноградов, указ. соч., с. 532.

⁸ А. С. Попов. О грамматической форме и категории в морфологии русского языка, «Материалы и исследования по истории русского литературного языка», АН СССР, т. IV, 1957, с. 299.

⁹ Հ. Խ. Բարսեղյան. Հայերենի խորհրդ մասերի ուսմանը, Երևան, 1980, 421.

¹⁰ Е. Т. Черкасова. Переход полнозначных слов в предлоги. М., 1967, с. 10—11.

мантике предлогов, а грамматическая (синтаксическая) функция является исходной, вторичной от него¹¹.

Интерес представляет концепция У. Л. Чейфа¹², согласно которой предлоги, в частности пространственные предлоги, рассматриваются в качестве исходных предикатов глубинного семантического уровня языка. Так, в предложениях—The knife is in the box. The box is on the table— семантическим глагольным корнем является не глагол be, а предлог (in, on). Функция глагола be заключается в том, что он представляет грамматическое время и другие флексийные элементы, которые исконно присущи предлогам, но не находят выражения в поверхностной структуре. Здесь важно отметить, что в английском языке есть такие поверхностные словосочетания, как the knife in the box, the box on the table, где be отсутствует, и предлоги in и on контекстуально оказываются без сопровождающего глагола. Но при сравнении с другими языками, например, с армянским и русским языками, мы находим, что в поверхностной структуре аналогичных словосочетаний имеется глагол. Ср.: *արկղի մեջ դրած դանակը* и *սեղանի վրա դրած արկղը*; нож, находящийся в коробке и коробка, находящаяся на столе.

На предикативную связь между именем и локализатором, выраженным предложной конструкцией, указывают и советские лингвисты. Так, Н. Д. Арутюнова считает, что предложения типа—Книга на столе. Стол в комнате—«выражают предикацию локального отношения»¹³.

Исследования в области семантики предлогов дают возможность охарактеризовать эти служебные слова и в другом свете—с точки зрения дейксиса. При таком подходе предлоги рассматриваются как слова, которые указывают не только на пространственную ориентацию объектов, но также, на ее соотнесенность с говорящим лицом или с каким-нибудь предметом в речевой ситуации. В таком плане рассмотрены английские¹⁴ и немецкие пространственные предлоги¹⁵.

Здесь мы коснемся только сути вопроса. Так, например, когда мы говорим о локализации одного объекта А по отношению к другому объекту В—допустим А находится перед В,—то эта координация объектов характеризуется местоположением говорящего Х, который является точкой отсчета в данной речевой ситуации. Если изменить местоположение Х на противоположное первоначальному, то А окажется сзади В.

В дейктическом плане можно рассмотреть и английские предлоги up и down и соответствующие им армянские предлоги *ի վեր* и *ի վար*, указывающие на направление по вертикальной или горизонтальной плоскости. В качестве центра координации движения они могут иметь различные точки: начальную или конечную, центральную или периферийную, восходящую или нисходящую и т. д.

англ.	арм.
up/down the street	<i>փողոցի ի վեր/վար</i>
up/down the road	<i>ճանապարհի ի վեր/վար</i>
up/down the hill	<i>բլուրի ի վեր/վար</i>
up/down the river	<i>գետի ի վեր/վար</i>

В армянском языке на связь конкретного значения предлога с речевой ситуацией указывает Г. Б. Джаукян. Так, он считает, что в предложении—Акоп двинулся вправо (*ձախորը շարժվեց աջ*)—«вправо» можно понять как «вправо от Акопа» и как «впра-

¹¹ У. Л. Чейфа, *Уроки армянского языка*, Ереван, 1955, № 15—16.

¹² См.: У. Л. Чейф, Значение и структура языка. М., 1975, с. 183—86, с. 341—43.

¹³ Н. С. Арутюнова. Предложение и его смысл. М., 1976, с. 214.

¹⁴ См. W. E. Collinson. A Study of Demonstratives, Articles and Other Indicators. „Language Monographs“, Baltimore, 1937, № 17; Leech G. N. Towards a Semantic Description of English, London, 1970;

Е. С. Мхитарян. О некоторых особенностях обозначения направления движения в английском, русском и армянском языках. (Тезисы докладов республиканской научно-методической конференции преподавателей иностранных языков вузов. Ереван, 1979, с. 80; А. Л. Закарян. Семантика пространственных и временных предлогов в современном английском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1982 и др.

¹⁵ См.: Dreike, Beate, What is the „Sense“ of Prepositions, „Studia Linguistica“, 29, 1—2, 80—98, 1975.

во от говорящего», в зависимости от речевой ситуации и контекста¹⁶. Одновременно здесь отметим, что Г. Б. Джаукян относит слова «вправо», «влево» (*աջ, ձախ*) к классу предлогов, хотя в данном случае он говорит о наречном употреблении предлога. Эта точка зрения созвучна с точкой зрения А. И. Смирницкого, по мнению которого во фразе «пройти левее острова» слово «левее» употребляется в значении предлога¹⁷.

Итак, мы видим, что круг значений и сфера употребления предлогов расширяется, чем и подтверждается мысль В. В. Виноградова о том, что «в современном языке с необходимой остротой и силой протекает процесс перераспределения функций предлогов. Круг значений предлогов, сфера выражаемых ими отношений расширяется и углубляется»¹⁸.

Отсюда становятся ясными та роль и значимость, какую предлоги приобретают в структурно-семантическом оформлении словосочетаний и предложений.

Обладая собственным лексическим значением, но не выступая отдельно, предлоги, сочетаясь с другими словами, по мнению Р. А. Маркарян «включаются в конструкцию, то способствуя ей семантически, то противодействуя»¹⁹. Потому, как далее отмечает Р. А. Маркарян, предлоги вторичного образования настолько лексически конкретизируют своё значение, что «в принципиально даже возможных сочетаниях исключают целый ряд конкретных сочетаний».

Наши наблюдения в области семантических значений пространственных предлогов, которые проводились на основе ономастиологического анализа, показывают, что не только производные, но и непроизводные предлоги могут функционировать вышеуказанным образом.

Для примера возьмем пары таких пространственных предлогов, как *в* и *на* (в русском языке) и соответствующих им *in* и *on* (в английском языке) и *մեջ* и *վրա* (в армянском языке)²⁰, которые в определенном отношении вступают в оппозицию друг другу. Эти предлоги в указанных языках несут большую функциональную нагрузку в силу своего абстрактного, отвлеченного характера. Так, В. В. Виноградов отмечает 25 основных значений предлога *на*²¹, М. Е. Асатрян приводит около 30 значений предлога *վրա*²². А в Большом Англо-Русском словаре под редакцией И. Р. Гальперина зафиксировано около 45 основных и неосновных значений предлога *on*²³. И несмотря на такой отвлеченный характер этих предлогов, они вступают в синтагматические связи с другими словами на основе принципа «семантического согласования»²⁴, или так называемой лексической солидарности²⁵, тем самым подчеркивая своё собственное лексическое значение. Постараемся конкретно обосновать это положение.

Как известно, значение предлогов *в*, *in*, *մեջ* может быть определено как «внутри», а значение *на*, *on*, *վրա* — как «на поверхности». Это означает, что в первом случае предлог может сочетаться с таким существительным, обозначающий им пространственный объект (*spatial object so*)²⁶ SO которого является трехмерным, т. е. соизмерим с точки зрения геометрических измерений: длины, ширины и высоты ($D_3 \rightarrow \text{dimension} -$

¹⁶ См.: Գ. Բ. Զախյան, *ժամանակակից հայերենի տեսության հիմունքները*, Երևան, 1974, с. 436.

¹⁷ См.: И. Н. Ермоленко. О грамматической природе наречных предлогов. «Труды университета дружбы народов». М., 1965, т. 8, с. 70—81.

¹⁸ В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1947, с. 703.

¹⁹ Р. А. Маркарян. Типы семантического противодействия в сфере формообразования и словообразования, Ереван, 1970, с. 289—292.

²⁰ *Մեջ* и *վրա* большинством армянских лингвистов рассматриваются как предлоги вторичного (отыменного) образования.

²¹ См.: В. В. Виноградов, Русский язык. М., 1972, с. 542—544.

²² См.: Մ Ասատրյան, *ժամանակակից հայոց լեզվի ձևաբանության հարցեր*, Երևան, 1970, м. стр. 359—360.

²³ См.: Большой Англо-Русский словарь под редакцией И. Р. Гальперина, М., 1972.

²⁴ См.: В. Г. Гак. Беседы о французском языке. М., 1966, с. 88.

²⁵ См.: Е. И. Шендельс. Совместимость и несовместимость грамматических и лексических значений. «Вопросы языкознания», 1982, № 4, с. 79.

²⁶ Под пространственным объектом мы понимаем как вещи-предметы, так и линейные и объемные пространственные пределы (поле, дом).

измерение)²⁷. А во втором случае предлог употребляется, когда SO двухмерен (D₂).

Так, мы имеем:

	русск.	англ.	арм.
D ₃	в коробке	in the box	արկղի մեջ
	в кармане	in the pocket	գրպանի մեջ
	в комнате	in the room	սենյակի մեջ
D ₂	на полке	on the shelf	դարակի վրա
	на столе	on the table	սեղանի վրա
	на полу	on the floor	հատակի վրա

Этот признак двухмерности /трехмерности можно распространить и на другие пространственные предлоги, в частности на из и с, out of и from, միջից—վրայից (склоняемые формы մեջ и վրա).

	русск.	англ.	арм.
D ₃	из коробки	out of the box	արկղի միջից
	из кармана	out of the pocket	գրպանի միջից
	из комнаты	out of the room	սենյակի միջից
D ₂	с полки	from the shelf	դարակի վրայից
	со стола	from the table	սեղանի վրայից
	с пола	from the floor	հատակի վրայից

Такую же параллель можно провести и между предлогами сквозь и через, through и across, միջով и վրայով и др.

Однако отметим, что понятия двухмерности и трехмерности механически не переносятся из области физического мира в сферу языка. Эти понятия преломляются человеческим сознанием, проходят через призму его восприятия и ощущений—свойство, которое Эмиль Бенвенист назвал «человек в языке», а Ю. С. Степанов перефразировал в «антропоцентрический принцип»²⁸. В силу этого принципа одни и те же явления материального мира в разных языках получают различное лексическое оформление.

Например:

русск.	англ.	арм.
на ладони	in the palm	սփի մեջ
в седле	in the saddle	թամբի վրա
на солнце	in the sun	արևի տակ (արևին)

Исходя из единства человеческого мышления, приведшего к образованию универсальных понятий, нам становится ясным, что эти различия не носят «глубинный» характер, а предстают перед нами как разные поверхностные структуры²⁹.

Такие расхождения в употреблении предлогов наблюдаются не только между языками, но и внутри отдельного языка, что приводит к образованию целого ряда параллельных конструкций в каждом из названных языков.

Например:

русск.	в траве—на траве
англ.	in the grass—on the grass
арм.	խոտի մեջ—խոտի վրա

Конструкции с в, in, մեջ содержат пресуппозицию, что трава высокая, что создает впечатление трехмерности, объемности (D₃). А конструкции с на, on, վրա содержат пресуппозицию, что трава короткая, в силу чего она предстает перед нами в виде поверхности (D₂).

²⁷ См.: G. N. Leech, *Towards a Semantic Description of English*, London, 1970, с. 159—162; R. Quirk, S. Greenbaum. *A University Grammar of English*, London, 1978, с. 146.

²⁸ См.: Ю. С. Степанов. *Методы и принципы современной лингвистики*. М., 1975.

²⁹ См.: Е. С. Кубрякова. *Части речи в ономаσιологическом освещении*. М., 1978, с. 14.

Приведем другой пример:

русс. в тарелке—на тарелке
англ. in the plate—on the plate

В данных конструкциях противопоставление представлено в виде: глубокая тарелка (D_3) и плоская тарелка (D_2).

Итак, мы видим, что конструкции с предлогами *в, in, ձեշ* не равны по значению конструкциям с предлогами *на, on, վրա* т. е. $\text{Прер } D_3 + N \neq \text{Прер } D_2 + N$. Отсюда вытекает логический вывод: $\text{Прер } D_3 \neq \text{Прер } D_2$. Данные предлоги тождественны самим себе благодаря своему собственному лексическому значению.

Однако надо отметить, что в некоторых случаях эти предлоги могут потерять свои различительные признаки и стать тождественны друг другу: $\text{Прер } D_3 = \text{Прер } D_2$. Это происходит, в частности, в том случае, когда характеристика пространственных объектов (SO) по признаку двухмерности /трехмерности окажется неопределенной, расплывчатой, и следовательно, употребление предлогов в сочетании с существительными, обозначающими эти SO, принимают нестойкий, непостоянный характер.

Здесь как бы происходит нейтрализация тех отличительных признаков, по которым эти предлоги противопоставлены друг другу в парадигматическом ряду. Е. И. Шендельс по поводу нейтрализации говорит: «Нет ни одной оппозиции, члены которой не могли бы в каких-то условиях сблизиться. Такой широкий характер процесса заставляет предположить, что это некая закономерность. Впервые на нее указал С. Карцевский»³⁰.

В результате нейтрализации дифференциальных значений предлогов *в* и *на* в русском языке мы находим также равнозначные конструкции, как в поле—на поле, в кухне—на кухне, в Карпатах—на Карпатах и т. д.

В английском языке равнозначно употребляются такие параллельные конструкции, как *in the road—on the road, in the balcony—on the balcony* и т. д.

В армянском языке такой параллелизм наблюдается не столько между предлогами *ձեշ* и *վրա* в силу их большей конкретности и образности по сравнению с синонимичными им падежными аффиксами—*ում* и *—ին*, сколько между последними. Так, В. Аракелян отмечает, что в армянском языке «конкурируют» между собой такие словоформы как *ձեռքում-ձեռքին, լանդում-լանդին*³¹ и т. д.

Обобщая сказанное, мы приходим к заключению, что в отличие от аутосемантических слов, которые отображают материальный мир в более или менее конкретной форме, предлоги указывают на те отношения и связи, которые существуют между предметами, явлениями и ситуациями. Поэтому можно сказать, что предлоги выполняют определенную номинативную функцию, в которой принимает участие и дейксис. Что касается лексического значения предлогов, то им присущ особый тип лексического значения—реляционное значение (значение отношения), которое в предлогах выступает в идеальной форме. Очень часто именно лексический, а не грамматический фактор предопределяет тот или иной тип синтагматических связей предлогов. Но противоречивая сущность предлогов заключается в том, что хотя они и обладают (в разной мере) лексическим значением, в системе языка они в основном выполняют синтаксическую (связующую) функцию, и поэтому рассматриваются в качестве грамматических средств языка.

Ե. ՄԻԻՔԱՐՅԱՆ— Տարածական նախդիրների իմաստի շուրջը (ռուսերենի, անգլերենի և հայերենի հիման վրա).— Հոդվածը նվիրված է նախդիրների նշանակության հետ կապված մի շարք տեսական հարցերի: Այստեղ համակարգվում են նախդիրների բառային և քերականական նշանակությունների հարաբերակցության հարցի վերաբերյալ տարբեր տեսանկյունները, ուսումնասիրվում է համարվող լեզուների իմաստային կառուցվածքի համակարգային հարաբերակցությունը:

³⁰ Е. И. Шендельс. Многозначность и синонимия в грамматике. М., 1970, с. 15.

³¹ См. Վ. Առաքելյան. Ժամանակակից հայերենի և հոլովական կապակցությունների իմաստային առումները, Երևան, 1957, с. 113.